

Коллекционерам хорошо знакомы диски, записанные неким М. А. Максом. Вопрос, кто скрывался под этим именем, занимает многих филофонистов. На страницах нашего журнала мы помещаем статью старшего редактора Всесоюзной студии грамзаписи фирмы «Мелодия» П. ГРЮНБЕРГА, посвященную этой загадке, а также историю записи первых русских граммофонных пластинок.

Проблема раскрытия артистических псевдонимов является одной из интереснейших тем для исследователей ранней истории грамзаписи. В начале века, когда граммофон и пластинка уже получили большое распространение, многие известные исполнители записывались под вымышленными именами. Иногда один и тот же артист выпускал пластинки под несколькими псевдонимами. В Америке своеобразным рекордсменом был баритон Эмилио де Гогорца. В 1898—1905 годах он записал множество пластинок под пятью псевдонимами и под собственным именем. Иногда артисты пользовались псевдонимом для пластинок с

лиана Карловича Максакова (Шварца) (1869—1936).

Пластинки Максакова и Макса были выпущены русским отделением Gramophone Company. Имя Максакова обозначено на одиннадцати односторонних пластинках малого формата, записанных в марте 1901 года, и пяти дисках формата «гранд» (25 см в диаметре), датируемых 1908 годом. М. А. Макс записал в 1901—1904 годах свыше ста пластинок всех трех форматов, значительно больше, чем кто-либо из известных исполнителей. Певцы обладали однотипными голосами с определенным тембровым сходством.

Народная артистка СССР М. П. Максакова, сравнивая записи Макса и Максакова из собрания Ю. Б. Перепелкина¹, отвергла предположения о их тождестве. Но после выхода в свет мемуаров режиссера Н. Н. Боголюбова, в которых автор пишет, что в прибывшем на гастроли «блестящем баритоне» (то есть в Максакове. — П. Г.) узнал Макса, участника вокального квартета, подвизавшегося на Нижегородской ярмарке², версия о тождестве снова получила распространение, хотя приведенная цитата не может быть

Итак, если Максаков и Макс — разные лица, так кто же скрывается под таким простым и одновременно загадочным именем?

Ценную информацию дают первоисточники — сами пластинки М. А. Макса, точнее, их этикетки. Обычным в практике формирования этикеточных данных пластинок Gramophone Company было указание на принадлежность исполнителя какому-либо театру: «арт. Имп. оперы», «артист Частной оперы», «артист оперетты» и т. п. Макс ни на одной пластинке не обозначен артистом — просто г-н М. А. Макс.

Поэтому следует предположить, что Макс не профессиональный артист, а какое-то частное лицо. Наблюдения над обширной дискографией Макса³ приводят к выводу, что это частное лицо пользовалось какой-то исключительной привилегией у Gramophone Company. Огромное количество пластинок М. А. Макса укладывается всего в три больших серии. Первая серия выполнена в Москве в октябре — ноябре 1901 года⁴. Тогда М. А. Макс записал десять «миньонов» и двенадцать «грандов» (матрицы с литерами «В» и «Х», соответственно форматам,

ЗАГАДКА ПСЕВДОНИМА МАКС

коммерческим репертуаром, который не исполняли на сцене. Так, итальянский оперный певец Ферруччо Коррадетти выпустил пластинки с опереточным репертуаром под именем Феркор. Широкое распространение подобная практика имела и в России. Знаменитый бас В. И. Касторский, постоянно сотрудничавший с крупнейшей европейской фирмой Gramophone Company, записал ряд пластинок для французской компании Pathé как Торский. Оперный певец, солист Мариинского театра Николай Аркадьевич Большаков стал Аркадьевым на пластинках с репертуаром оперетты. Использование в псевдонимах личного имени и фамилии было частым, но не меньшее число псевдонимов образовалось произвольно. Например, на трех опереточных пластинках артистка Мариинского театра Мария Яковлевна Будкевич назвала себя М. Я. Ванда. Под несколькими псевдонимами записывались бас Л. М. Сибиряков, тенор А. М. Матвеев и многие другие. Большинство псевдонимов раскрыто в результате работы знатоков старой грамзаписи, но уже долгие годы остается открытым вопрос о том, кто скрывается под псевдонимом М. А. Макс. Проблема эта очень важна, так как тесно связана с определением объема фонографического наследия выдающегося оперного певца, баритона Максими-

лиана Карловича Максакова (Шварца) (1869—1936).

лиана Карловича Максакова (Шварца) (1869—1936). доказательством: в близком кругу любого Максима или Максимилиана могут называть Максом. Векскими доводами против отождествления певцов служат сами фонограммы и информация об их пластинках. Голоса Максакова и Макса имеют четкие и явные различия, может быть и малозаметные для невнимательного слушателя. Но прежде чем сравнить фонограммы, следует обратить внимание на различие записанного певцами репертуара. Репертуар М. А. Макса поражает своей жанровой пестротой, несвойственной исполнительской практике Максакова. Макс записал популярные романсы, в том числе так называемые «цыганские», народные русские и «неаполитанские» песни, классическую камерную музыку, арии из оперетт, арии из опер как для баритона, так и для баса. «Макс» обнаруживает в своих записях большую музыкальность, хорошее владение сильным красивым голосом. Но несмотря на это, ощущается меньший, чем у Максакова, профессионализм (особенно в оперных записях), а некоторые приемы вокальной артикуляции выдают в нем дилетанта, хотя и хорошо знакомого с требованиями академической вокальной школы. Это сказывается также и в подражательной (известным и популярным образцам) фразировке.

указывающими на проводившего запись эксперта компании У. С. Дарби). Эти записи предшествуют первым записям Ф. И. Шаляпина с отрывом на один-три дня: номера «грандов» «Макса» идут от 536х по 547х, Шаляпина — от 572х по 577х. Осенью 1903 года тот же У. С. Дарби впервые в России начал запись дисков формата 30 см в диаметре «гигант». Он работал в Петербурге (здесь были записаны Н. Н. Фигнер, И. В. Ершов, И. А. Алчевский и другие звезды Мариинского театра) и в Москве. Макс «отметил» это событие шестью пластинками. Третья серия пластинок Макса была записана на рубеже 1903—1904 годов в Петербурге. Ее составляют сорок один «миньон» и тридцать один «гранд» (литеры «С» и «Z» указывают на эксперта Франца Хампе, приехавшего в Россию на смену У. С. Дарби).

Из приведенных выше данных следует, что «М. А. Макс», который не был профессионально, как артист, занят в период 1901—1903 годов, — лицо очень близкое к управлению русского филиала Gramophone Company. Более того, можно предположить, что он принадлежал к активу управления: его записывают только в двух главных центрах компании в России, при этом он перемещается из Петер-

Этикетка грампластинки, записанной М. А. Максом

бурга в Москву и обратно, когда Gramophone производит записи знаменитостей. В Москве Макс находится, когда Gramophone реализовала свой давний проект записать Ф. И. Шаляпина, а также (вторая серия записей) когда вслед за ведущими солистами «Мариинки» было необходимо записать и лучших артистов из Большого театра. Наконец, уникальная по масштабу третья серия — более семидесяти дисков — производится в несколько сеансов (с небольшими интервалами) в период записи ведущих петербургских артистов. Примечательно, что Макс записывался практически одновременно с лучшими артистами России и, несмотря на обилие пластинок, избегал рекламы: ни в проспектах, ни в каталогах компании, ни в журналах нет, в отличие от других исполнителей, ни одной фотографии, ни каких-либо сведений о нем. Ряд книг по истории звукозаписи дают скудные, но интересные сведения о человеке, которого следует считать основным кандидатом на использование псевдонима М. А. Макс.

В книге автора из ГДР Гюнтера Гроссе упоминается «Max Rubinsky der Leiter der Petersburger Filiale...»⁵ В своей работе Г. Гроссе использовал мемуары ведущего эксперта и художественного руководителя Gramophone Company Фреда Гайсберга «Music on Record», в них Гайсберг и говорит о Максе Рубинском как о руководителе русского отделения компании с начала 1901 года. Более подробная информация имеется в книге Дж. Н. Мура⁶, обильно цитирующего дневниковые записи Ф. Гайсберга. В записях о своей второй поездке в Россию в марте — апреле 1901 года (впервые Гайсберг посетил Россию вместе с У. С. Дарби в марте 1900 года) Гайсберг называет другую фамилию Рубинского — Родкинсон, сообщает о его «русско-американском» происхождении, рассказывает о его энергии, увлеченности планом привлечь к записи на пластинки ведущих русских артистов, включая Ф. И. Шаляпина, говорит о его коммерческом таланте. Гайсберг свидетельствует, что Рубинский-Родкинсон превосходно ориентировался в сложном артистическом мире Петербурга, хо-

рошо знал исполнителей. Превосходные результаты второй поездки Гайсберга в Россию, когда за короткое время (25 марта — 8 апреля 1901 года) было записано свыше 250 дисков (на них А. Лабинский, Д. Бухтояров, В. Шаронов, М. Максаков, Л. В. Собиннов и др.), во многом зависели от действий Рубинского. О его певческом таланте Гайсберг не упоминает. Это объяснимо, так как пластинок Макса, записанных Гайсбергом, не существует. Предположение, что Макс — это Макс Рубинский, должно опираться на другие неоспоримые факты. Путь к решению загадки ведет в Лондон марта 1899 года, к самым первым русским пластинкам, ибо в этой, начальной для отечественной грамзаписи серии главенствующее положение занимают диски, записанные певцом-баритоном под именем г-н Рубин.

Продолжение следует

¹ Собрание ленинградского архитектора Ю. Б. Перепелкина, известного исследователя истории русского и советского вокального и оперного искусства, располагает лучшим в СССР подбором пластинок М. К. Максакова и М. А. Макса.

² Н. Н. Боголюбов. «Шестьдесят лет в оперном театре», ВТО, Москва, 1967.

³ По Каталогу вокальных записей русского отделения Gramophone Company и Zonophone чл.-корреспондента АН СССР В. Л. Янина (рукопись).

⁴ Датировка по номерам матриц на основе данных архива Центрального управления Gramophone Company в Лондоне, опубликованных английскими исследователями Дж. Ф. Перкинсом, Э. Келли и Дж. Уордом в Record Collector, Ipswich, 1976, XXIII № 3—4.

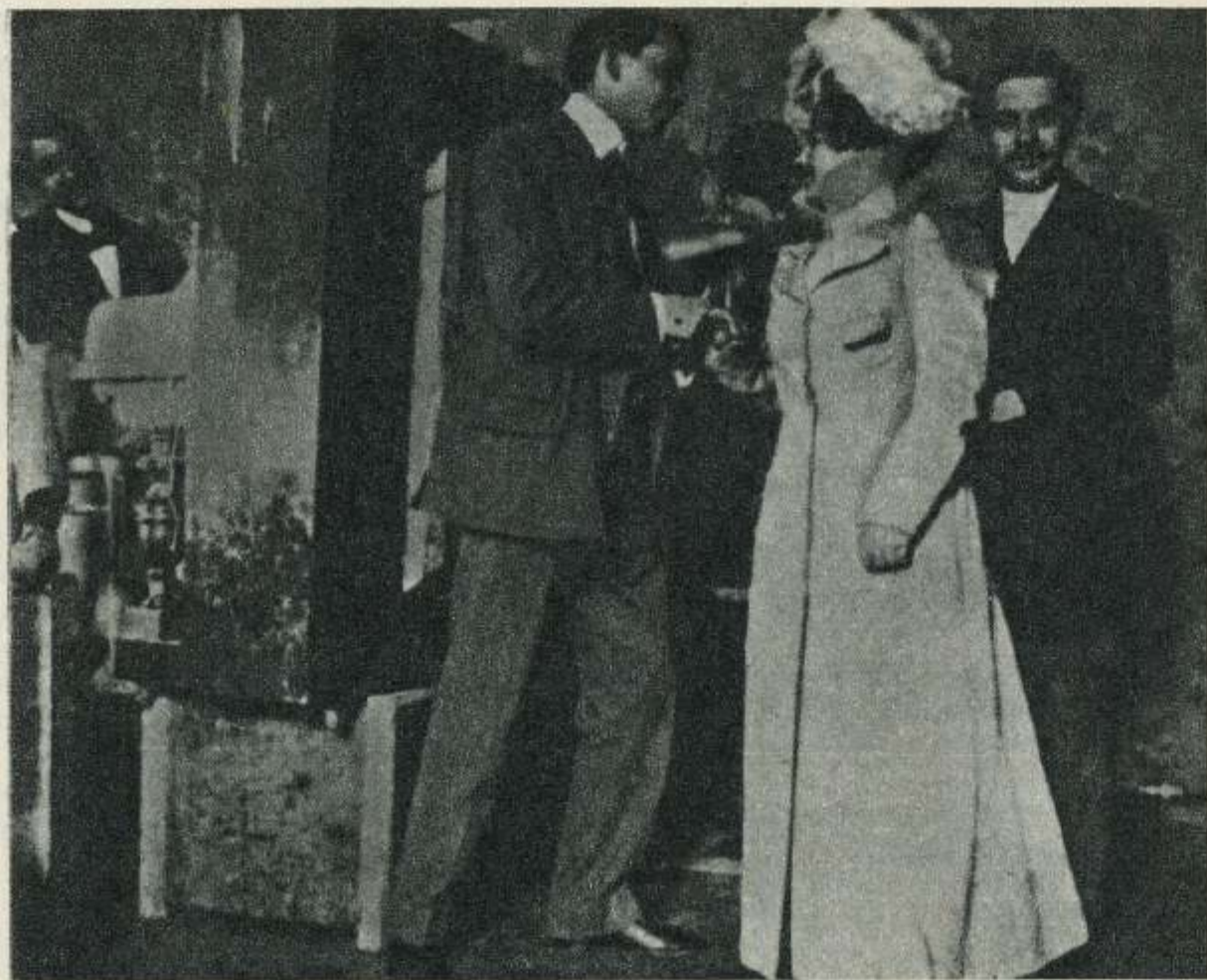
⁵ G. Grosse. «Von Edisonwalze zur Stereoplatte», Berlin, 1981.

⁶ G. Moore. «A. Voice a Time», London, 1975.

Распространено мнение, что впервые русские артисты были записаны на пластинки в 1897 году в Ганновере. Пренебрежение первоисточниками, и в первую очередь информацией о ранних пластинках, привело к тому, что это мнение устоялось¹. Первая в Европе студия грамзаписи вступила в действие в августе 1898 года в Лондоне на Мэйден Лейн, 31. Сюда из Америки прибыли сотрудники создателя пластинки и основателя компании Эмиля Берлинера² и начали запись на диски под руководством Ф. Гайсберга. В Ганновере, на базе телефонной фабрики брата Эмиля — Йозефа Берлинера было создано предприятие по прессовке тиражируемых пластинок — первый в Европе завод. Сюда поступали все оригиналы из Лондона, а позднее, до основания завода в Риге в 1902 году, и из всех континентальных филиалов компании. Бузуловню, Ганновер, город, где находился главный завод Gramophone Company, имел большое значение для сотрудников филиалов компании, тем более что на реверсах односторонних дисков клишировалась надпись «Produced in Hannover». С этим связано неправильное определение места первых русских записей. Дата — 1897 год — связана с первым появлением в России граммофонов конструкции Э. Джонсона и пластинок компании Берлинера, импортированных из Америки³.

Ясность в вопрос о месте и времени записи первых русских пластинок вносит информация, имеющаяся на самих дисках. С августа 1898 года лондонские оригиналы только датировались. На зеркале цинкового диска гравировались точная дата и место записи, название произведения и имя исполнителя. На заводе в Ганновере эти оригиналы и, соответственно, отпечатанные с них пластинки приобретали так называемые каталожные номера (под ними пластинки регистрировались в каталогах, они служили ориентирами для торговцев и покупателей) и группировались по средствам исполнения: первая цифра четырехзначного номера являлась шифром тематической группы, три последующие были порядковым номером пластинки для данной группы пластинок (сольных вокальных записей, инструментальных, хоровых, оркестровых и т. д.). Около ноября 1898 года было принято решение для удобства нумеровать сами оригиналы в момент записи. Так появилась матричная нумерация. Наличие на всех оттисках с матриц Gramophone Company матричных номеров позволяет в настоящее время с большой степенью точности определять место и время записи, хотя уже с 1900 года оригиналы перестали датировать, т. к. для идентификации фонограммы достаточно было иметь номер матрицы.

Самый ранний известный сейчас матричный номер — 19 — датируется 1 но-

У. С. Дарби (справа) и Ф. Гайсберг (крайний слева) во время записи в Будапеште летом 1899 г.

ября 1898 года. Все последующие известные экземпляры дисков вплоть до номера 2079 от 10 мая 1899 года были записаны в Лондоне, на что указывают надписи на зеркале. Продолжение этой первой матричной серии имеет место в Лейпциге и связано с началом европейского турне Ф. Гайсберга и У. С. Дарби, продолжавшегося до сентября 1899 года. Эти выводы Дж. Перкинса, Э. Келли и Дж. Уорда⁴ получили подтверждение после изучения сохранившихся в СССР экземпляров ранних русских и зарубежных пластинок, недоступных английским исследователям.

В начале 1899 года в Лондоне впервые были произведены записи на восточных и русском языках. Для этих пластинок была принята новая каталожная нумерация. Пластинки на восточных языках нумеровались от 10000, а на русском — от 11000 без деления на тематические группы. По торговым каталогам А. А. Бурхардта и другим изданиям выяснено, что было выпущено не менее девяноста семи «русских» пластинок — номера от 11000 по 11096. Доступные сегодня образцы пластинок этой первой русской серии (всего

то, что Berliner's Gramophone Company направила в Россию, в Петербург Уильяма Синклера Дарби — одного из своих лучших специалистов⁵. Уже в апреле 1899 года в Петербурге им было записано не менее двухсот дисков (возможно, и значительно больше). «Апрельские» пластинки 1899 года не имеют матричных номеров, на них гравированы только даты, т. к. У. С. Дарби вернулся к лондонской практике, существовавшей до введения матричной нумерации, т. е. до появления первой, так называемой «безбуквенной» серии матричных номеров⁶, чтобы не внести путаницу в работу ганноверского завода. «Апрельская» 1899 года петербургская серия оригиналов получила каталожные номера от 20000. Значительная часть этих записей имеет большую историческую и художественную ценность. Были записаны многие видные артисты Мариинского театра — И. Тартаков, Г. Морской, О. Палечек, К. Серебряков, М. Черкасская, М. Чупрыников; известные оперные певцы Ф. Орешкевич, М. Гушина, премьер оперетты С. Пальм, знаменитый балалаечник В. Андреев, известные хоры и многое другое. Ряд записей уникален. Так, Василий Андре-

о первой в России. Но наличие на дисках серии 20000 точных дат и места записи — Петербург — свидетельствует, что впервые на Европейском континенте граммофонные пластинки были записаны именно здесь.

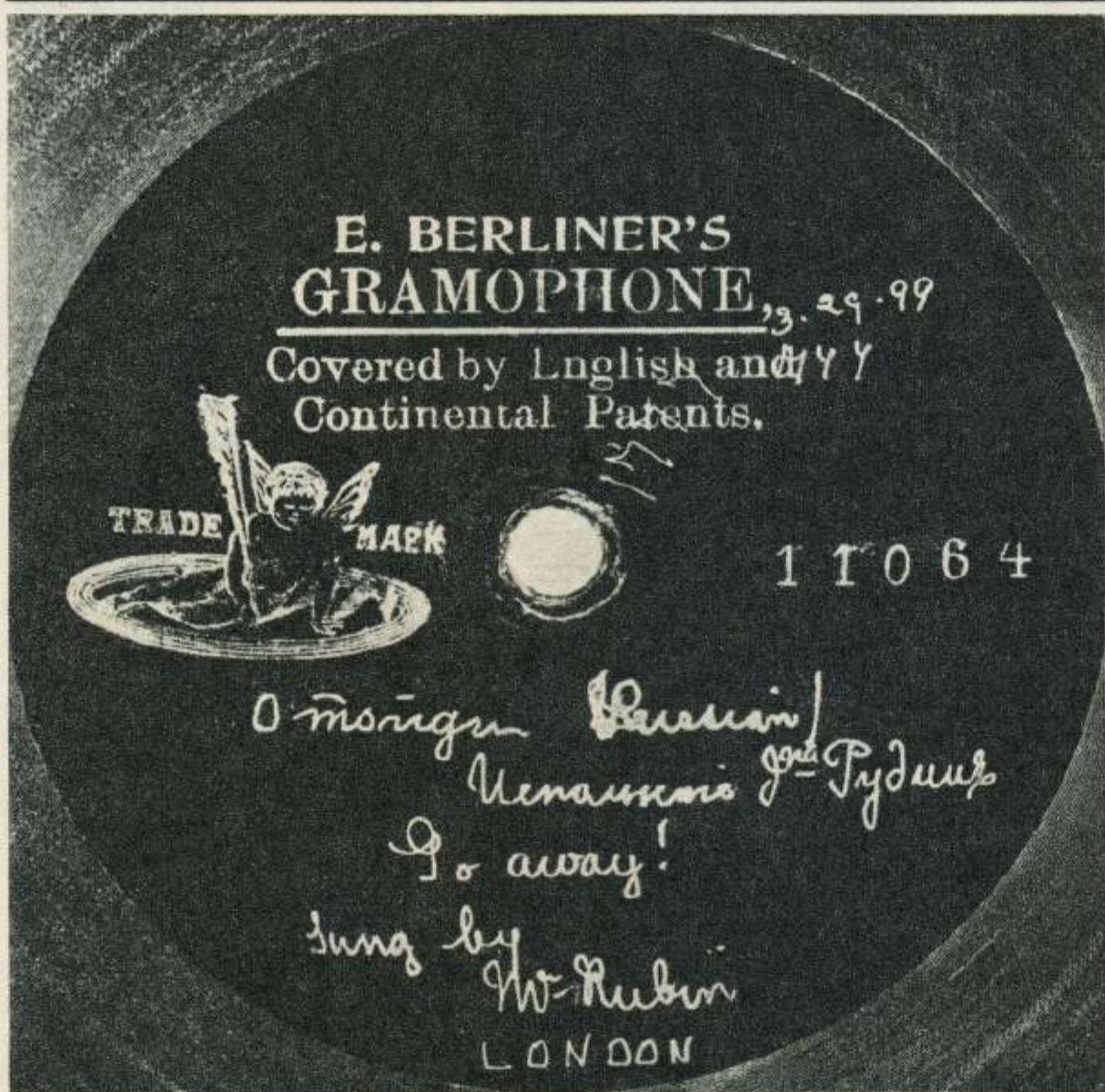
Успех У. С. Дарби в Петербурге в апреле 1899 года определил стремительное освоение компанией континентальной Европы (со второй половины мая 1899 года). Следствием этого было быстрое распространение по всем европейским странам пластинок и граммофонов, а с ними и распространение записей основных артистических сил этих стран.

Роль Рубина — Макса Рубинского в ускорении этого процесса может представляться весьма значительной. Но утверждать, что Макс Рубин и Макс Рубинский один и тот же человек, можно лишь сопоставив их фонограммы. Если пластинок Макса сохранилось большое количество, то из известных по печатным изданиям дисков Рубина в наличии не было ни одного. Между тем уже дискографическое сопоставление репертуара двух загадочных певцов позволяет установить, что не менее половины наименований с пластинок Рубина повторены на дисках М. А. Макса¹⁰, а неаполитанская песня «Слеза» (на русском языке) во всем каталоге русского отделения «Gramophone» (за 17 лет его существования) имеется только у них¹¹. Окончательно гипотеза о тождестве Рубина и М. А. Макса сложилась в августе 1985 года, когда автор статьи еще не располагал фонограммой Рубина. Возможность сравнить фонограммы Рубина и М. А. Макса неожиданно появилась благодаря любезности московского коллекционера А. М. Годовича, который располагает уникальной подборкой ранних русских и зарубежных дисков. При первом прослушивании гипотеза подтвердилась: на пластинках, различающихся качеством звучания¹², был записан голос одного певца. Рубин и М. А. Макс обладают одной манерой вокализации, у них одинаковые артикуляционные признаки, у обоих присутствует один и тот же легкий акцент¹³, не говоря о тембре, диапазоне и регистровке голоса. Сравнились единственная доступная сейчас пластинка Рубина с романсом А. Д. Давыдова «Отойди» (каталожный номер 11064, матричный номер 1777 от 29 марта 1899 года) и запись также «цыганского» романса «Ночи бессонные», автор Я. Пригожий (каталожный номер 2-22004, матричный 1185С, датируемый рубежом 1903/1904 годов); кроме того, привлекались и другие записи М. А. Макса.

Итак, есть достаточно оснований утверждать, что под этими двумя псевдонимами скрывался Макс Рубинский (он же Родкинсон) из управления русского филиала Gramophone Company, где он работал с начала 1901 года.

Уточнение сведений о Максе Рубинском связано с дальнейшей работой по истории русского отделения Gramophone Company и ранних русских записей.

ЗАГАДКА ПСЕВДОНИМА МАКС

Гравированная этикетка грам-пластинки Рубина, на ней видна дата 3.29.99. Из собрания А. М. Годовича

шесть) имеют матричные номера от 1654 (17 марта 1899 года) по 1792 (30 марта 1899 года)⁵. Из этого следует, что если велась непрерывная серия русских записей, то оригиналов было намного больше, чем вышло в свет пластинок. Все известные образцы серии 11000 имеют указание на Лондон как на место записи. На этих пластинках записан хор Софии Медведевой и его участники, исполнявшие сольные произведения, ансамбли (дуэты, трио), некоторые пластинки содержат инструментальную музыку. По числу пластинок среди исполнителей в серии 11000 первенствует некто «г-н Рубин». Из известных по серии 11000 девяноста двух наименований (пять неизвестны, т. к. не отражены в каталогах) ему принадлежит 17 сольных пластинок, 6 записей в дуэте с Софией Медведевой, 9 — в составе «Трио Больфовского». Наконец, Рубин участвовал не менее, чем в тридцати одной записи «Хора Медведевой»⁶.

Более того, серию 11000 начинают четыре пластинки Рубина: 11000 — романс «Луна»; 11001 «Нищая» А. Алябьева; 11002 — неаполитанская песня «Слеза»; 11003 — «Сольные низенько». Таким образом, Рубин является гипотетическим первым русским исполнителем, записавшимся на пластинках⁷. Можно с уверенностью утверждать: работа Рубина и его коллег в студии в Лондоне сыграла решающую роль в

ев был записан только в серии 20 000, так же как солист и главный режиссер Мариинской оперы бас Осип Палечек. Среди исполнителей в серии 20000 присутствуют именно те артисты, которым приписывалось небывалое путешествие в Ганновер в 1897 году, — Тартаков, Серебряков, Чупрыников. Выясняется, что в позднейших воспоминаниях о начале русских записей соединились в одну легендарного характера версию факт зарубежного путешествия (возможно, и целенаправленного) и факт записи других, неизмеримо более известных артистов на родине. Это неудивительно, так как две серии отделены друг от друга буквально несколькими днями (которых было достаточно, чтобы прибыть из Лондона в Петербург и после небольшой подготовки начать работу).

Возможно, Рубин (если он и Рубинский одно и то же лицо) способствовал блестящим результатам сессии (вспомним, что двумя годами позже он в кратчайший срок «поставил» Ф. Гайсбергу новых, не менее крупных артистов). Безусловно, поездка У. С. Дарби в Петербург не планировалась в Лондоне до мартовских записей. Это следует из того, что она не рекламировалась ни до, ни после. А. А. Бурхардт, главный распространитель пластинок в России на рубеже веков, в рекламной статье своего каталога говорит уже о второй «русской» сессии (У. С. Дарби и Ф. Гайсберга) 1900 года как

Решение загадки псевдонима М. А. Макс помогло не только четко определить границы звукового наследия М. К. Максакова¹⁵, но и установить истину в вопросе о месте, времени и участниках записи первых русских пластинок. Большое содействие оказали автору статьи член-корреспондент АН СССР В. Л. Янин, историк музыкального театра и звукозаписи Ю. Б. Перепелкин и другие специалисты и любители.

П. ГРЮНБЕРГ,
старший редактор Всесоюзной
студии грамзаписи фирмы «Мелодия»

1. Л. Ф. Волков-Ланнит. «Искусство запечатленного звука». Москва, Искусство, 1964, с. 86 и G. Bennett. A. Catalogue of Vocal Recordings from The Russian Catalogues of Gramophone Company Limited, 1899—1915, Blandford, the Oakword Press, p. IV

2. Первичное название Gramophone Company — Berliners Records Company (до конца 1900 года) с торговыми марками: Angel (в России называлась «Пишущий ангел», затем «Пишущий амур») и His Master's Voice («Голос его хозяина»).

3. Подробные сведения о начале записей в Европе, как и об основании компании Берлинера в США, имеются в указанных книгах Г. Гроссе, Дж. Мура, а также в книге Р. Гелатта «The Fabulous Phonograph». London, Cassell, 1977.

4. The Record Collector, Ipswich 1976 Vol XXIII № 3—4, с. 70

5. Определить, кто из сотрудников компании записал первые русские пластинки, невозможно, т. к. при матричных номерах отсутствуют указательные литеры. Это присуще большинству номеров первой лондонской серии матриц, поэтому ее называют «безбуквенной».

6. Хор состоял из девяти человек. Фотография его участников была помещена в каталоге торгового дома А. А. Бурхардта, 1901 г. (с. 170). Кто из четырех мужчин — Рубин, неизвестно.

7. Определить первую русскую запись на пластинку, наверно, никогда не удастся. Для этого необходимо знать все матричные номера серии 11000, что возможно только при наличии всех пластинок этой серии. Надеяться на то, что будут выявлены образцы всех дисков серии 11000, не приходится.

8. О том, что это был именно У. С. Дарби, а не кто-нибудь другой, имеются сведения в архиве компании в Лондоне.

9. Позднее, когда компания «осваивала» континент, сложилась система матричной нумерации. Каждый эксперт получил литеры, которыми отмечал свою продукцию, — появилось несколько матричных серий.

10. Даже названия одних и тех же произведений Рубина и Макса даны в одной и той же редакции, очевидно со слов самого исполнителя.

11. У М. А. Макса и Рубина есть и другие «общие» редкозаписывавшиеся произведения.

12. Пластинка Рубина, как все диски приблизительно до 1901 года, имеет цинковый оригинал, позднейшие — восковые, что обеспечило значительный прогресс в качестве фонограммы.

13. Может быть, это следствие «русско-американского» происхождения М. Рубинского, о котором писал Ф. Гайсберг?

14. М. К. Максакову принадлежат только пластинки, на которых обозначено его имя.